

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА: ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

В.И. Шаховский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ),
400066, Волгоград, просп. имени В.И. Ленина, 27

П.С. Волкова

Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко (КВВУ),
350063, Краснодар, ул. Красина, 4

В статье рассматривается двойственный характер языка как системы: актуальный (индивидуальная информационная система) и потенциальный (индивидуальная концептуальная система). Если с позиции информационной системы осуществляемый индивидуумом акт говорения является языковой рефлекс, то с позиции системы концептуальной актуализируемая языковой личностью мыслеречевая деятельность предстаёт как опыт рефлексии.

На примере креолизованного дискурса показано, как оперирование языком на уровне информационной системы ставит индивидуума в положение пассивного потребителя наличествующих значений (данное), что исключает возможность рассматривать его с позиции речевого субъекта. Последнее оказывается достижимым в случае, когда происходит актуализация концептуальной системы как коррелята мыслеречевой деятельности, результативность которой опознаётся на уровне смысла (созданное). Обосновывается, что если язык как информационная система может функционировать безотносительно концептуальной системы, то актуализация языка как концептуальной системы невозможна без системы информационной, в лоне которой она и сокрыта.

Утверждается, что, в отличие от значения, которое, будучи объективным, подвержено произвольной субъективизации в процессе употребления ввиду эмотивной валентности слова, смысл предстаёт в качестве интерсубъективного феномена. При этом если актуальные эмотивы напрямую связаны с языком как информационной системой, то потенциативы демонстрируют свою принадлежность языку как концептуальной системе.

Статья адресована филологам-коммуникологам, философам и культурологам, интересующимся вопросами языка как деятельности, эмотивной лингвистики, смыслообразования.

Ключевые слова: двойственный характер языка, информационная и концептуальная системы, смысл, значение, эмотивность.

Введение

Наиболее очевидные приметы современной социокультурной ситуации, в числе которых – всеразъедающий цинизм, разнузданность и пошлость, вторгающиеся в наш мир с экранов телевизоров, просторов Интернета, глянцевого журналов и радиоэфира; равнодушное потребление со стороны полубразованного большинства научных знаний

и знаний об искусстве, вследствие чего их реальная сложность подменяется желаемой простотой, что неизбежно приводит к выхолащиванию сути как науки, так и искусства; жизнь по принципу «сам себе голова», без оглядки на какие-либо авторитеты и то, что некогда представляло безусловную ценность, – всё это позволяет говорить о созвучности нашего настоящего атмосфере, царящей в Афинах времён Пелопонесской войны. Размышляя об эпохе, которая

некогда была ознаменована мощным расцветом эллинизма, В. Виндельбанд констатирует, что её конец проходил под знаком лжи, беспринципности, оргии отрицания и деморализации, «ибо деморализовано всякое общество, потерявшее единство своих нравственных убеждений и растерянно хватающееся то за одно, то за другое...» [3, с. 125]. Знаменательно, что именно в это время Сократ пытается выявить в словах некое основание, обеспечивающее движение разобщённых по разным причинам людей навстречу друг другу. В. Виндельбанд называет такое основание нравственным разумом. Выскажем предположение, что проблема языка как системы, решаемая в контексте современной коммуникологии, как нельзя более отвечает установке на обретение искомого единства, вне которого коммуникативное взаимодействие вырождается до воздействия, реализуемого посредством одностороннего акта говорения.

Соответственно, в качестве *объекта исследования* мы будем рассматривать системный характер языка, актуализируемый в пространстве коммуникативной ситуации. В качестве *предмета исследования* мы сосредоточим свой научный интерес на значении как единицы языка и смысле как единицы речи. При этом *цель работы* заключается в выявлении их принципиального несовпадения, что делает недопустимым ряд моментов, в числе которых наиболее распространённым видится:

- 1) употребление смысла и значения на уровне синонимов, оправдываемое современной коммуникологией неконтролируемой подвижностью существующих между ними границ;
- 2) рассмотрение смысла с позиции отношения, а значение – с позиции содержания коммуникативной ситуации.

Представляется, что осознание имманентного различия смысла и значения позволит не только минимизировать распространение манипулятивных технологий, реализуемых на уровне тёмных сторон коммуникации, что создаёт прецедент неэкологичного общения, но и уравновесить обучение готовым формам созданием новых форм, которые закладывают фундамент речевой собственности всех участников коммуникативного акта. Достижение поставленной цели требует постановки *следующих задач*, решаемых на стыке социо- и психолингвистики, философии языка, лингвистической антропологии, аналитической психологии, психологии личности, лингвистики эмоций:

- рассмотреть язык с позиции информационной системы;
- рассмотреть язык с позиции концептуальной системы;
- раскрыть сущностные основания языка как деятельности в противоположность языку как продукту деятельности;
- артикулировать место и роль эмотивности в процессе смыслообразования;
- выявить оптимальные условия для смыслообразующей деятельности сознания.

Теоретико-методологическим фундаментом работы стали: системный подход, обуславливающий «движение от многопредметного представления об объекте к интегрированному однопредметному представлению» [19, с. 80]; принципы самоорганизации и организации; метод анализа словарных дефиниций и метод комплексного лингвистического анализа. В качестве материала исследования был выбран образец визуальной поэзии как разновидности креолизованного дискурса, сложность структуры которого делает креолизованный текст одним из наименее изученных в лингвистике феноменов, что создаёт значительные трудности в процессе его интерпретации и реинтерпретации.

Язык как информационная система

Обозначенные в начале статьи приметы современной социокультурной ситуации, обнаруживаемые как в нашей стране, так и за её пределами – ярчайшее свидетельство того, что образ сознания большинства представителей глобализирующегося сообщества являет собой *индивидуальную информационную систему* как коррелят *самоорганизующегося* природного устройства [4, с. 207–214]. Будучи принадлежностью любого биологического организма, обозначенное устройство призвано перерабатывать и хранить поступающую извне информацию, овладение которой необходимо для выживания его носителя. Другими словами, суть индивидуальной информационной системы сводится к переводу внешней информации во внутреннюю и обратно с тем, чтобы обеспечить биологическому организму наибольшую адаптацию к окружающей его среде. По отношению к индивидууму речь идёт о кодировании невербальных элементов системы, которые и фактически и логически предшествуют её вербальным элементам, что даёт возможность манипулировать невербальным опытом через осуществляемую

посредством коммуникации манипуляцию вербальными знаками.

Подобное положение дел обусловлено тем, что процесс познания внешнего мира не может быть «запущен» до тех пор, пока система не получит эмпирического материала, поставляемого на основе чувственных восприятий. С этой точки зрения коммуникация оказывается напрямую связанной с познавательной активностью. Знаменательно, что в этом своём качестве язык, отвечающий за жизнедеятельность индивидуальной информационной системы, в том числе обеспечивающий её *самоорганизацию*, оказывается не просто неотъемлемой частью самой системы, но и определяет её собой, что позволяет признать правоту Н. Хомского в вопросе о врождённом характере языка [20]. Аналогичным образом заслуживает доверия и мысль З.В. Демьянкова. По словам отечественного учёного, в «общечеловеческой когниции заложены универсальные когнитивные стратегии. Человеческий опыт их использования приводит к накоплению «объектных» знаний и «оптимизирующих стратегий» [7, с. 31]. Эти встроенные в человеческий мозг универсальные стратегии «заданы самой его биологической структурой и аналогичны электронным схемам в составе компьютера. Объектные же знания и оптимизирующие стратегии представляют собой нечто вроде самонакапливающегося программного обеспечения...» [7, с. 32]. При этом во всех без исключения случаях индивидуальная информационная система служит умножению природных сил своего носителя. Достаточно привести пример того, как отсутствие возможности размножения компенсируется изобретённой человечеством технологией ЭКО, а страх смерти – разработкой искусственного интеллекта или экспериментами по крионизации биологического материала и т.п.

Напротив, умножение надприродных, то есть сущностных сил, которые, собственно, и обеспечивают человеку возможность называться человеком, оказывается для информационной системы как природного механизма неразрешимой задачей, что видится вполне оправданным. Наша убеждённость базируется на следующем основании. Функция кодирования, которую выполняют вербальные элементы системы в процессе взаимодействия с её невербальными элементами, выступает коррелятом перевода внешней информации во внутреннюю и обратно. Как правило, такой перевод самоорганизующееся природное устройство осуществляет

безотносительно того, о каком биологическом организме идёт речь. Понятно, что в данном контексте реализуемый посредством коммуникативной функции языка акт говорения не может рассматриваться в качестве главной причины, опираясь на которую должно отличать человека от животного, на что обращает внимание в своей работе «По ту сторону языка и инстинкта» Ф. И. Гиренок. Несмотря на то, что, «выходя за пределы наличного, человек перестаёт быть природным существом» [6, с. 26], подобная трансформация никоим образом не обеспечивает этому уже не природному существу статус «существа культурного». Как пишет учёный, «трангрессия границ биологии не означает скорого попадания в мир социума» [6, с. 26] в том числе и потому, что в контексте индивидуальной информационной системы язык предстаёт исключительно на уровне языкового рефлекса. Неопровержимым доказательством представленной позиции служит тот факт, что способность к коммуникации – неотъемлемое свойство всех биологических организмов, о чём весьма доступно поведала Т. Черниговская в интервью с В. Познером в передаче «Познер», которая вышла в эфир 25 апреля 2016 года.

Соответственно, даже овладев языком, актор, пребывающий в рамках индивидуальной информационной системы, остаётся двуногим говорящим животным, выполняя одинаково неизменную для всех живых существ природную программу. Суть последней – выжить любым путём, сохранив себя как отряд, вид, класс, популяцию, что служит природному многообразию, обеспечивающему сохранение закона мерной напряжённости. С этой точки зрения мысль о том, что «внутри вида (человеческого. — В.Ш., П.В.)... никакой изменчивости нет... речь идёт о единообразной системе, а значит, со времени её появления никакой значительной эволюции не было...» [16, с. 218], оказывается вполне правомерной. Потому, собственно, в ситуации, когда индивидуум использует язык в его коммуникативной функции, налицо биологическое (природное) измерение человека, отмеченное такими системными свойствами, как:

- доминирование вербальности (рациональности) над невербальностью (иррациональностью);
- примат внешнего над внутренним;
- завышенная самооценка;
- симуляция творчества;
- одномерность.

Другими словами, в рамках индивидуальной информационной системы язык реализуется в аспекте функциональности.

Язык как концептуальная система

В свою очередь, социальное (надприродное) измерение индивидуума мы связываем с *индивидуальной концептуальной системой*, которая обеспечивает процесс перехода языка из потенциального в актуально наличествующий феномен, что оказывается возможным посредством смыслообразования. Принципиальное отличие последнего от коммуникации заключается в том, что если коммуникативная функция языка изначально актуальна, будучи имманентна процессу становления самого биологического организма, то смыслообразование предстаёт лишь в потенции, что, однако, не делает искомый опыт менее реальным. Даже тогда, когда он не получает своей актуализации, он сохраняется в системе языка на уровне виртуальной реальности, обретая своё подлинное существование «лишь в действии, в динамике, как источник всё новых и новых актуальностей, являясь условием творения каждого акта...» [9, с. 293].

По сути, опыт смыслообразования есть не что иное, как нацеленная на *организацию* информационной системы деятельность (мыследеятельность). Имеется в виду организация природной данности, обуславливающая возникновение речи как некоего нового феномена, созданного самой коммуникативной личностью. При этом в отличие от информационной системы, актуальность которой обрекает актора на пассивное потребление языка, вследствие чего его творческие интенции всегда предстают отмеченными вторичным характером, являя собой комбинации с имеющейся наличностью, концептуальная система инициирует рождение креативной личности, чьё языкотворчество напрямую связано с формированием индивидуальной речи. Преодолевая активность природы собственной активностью, такая личность тем самым освобождается от террора безличностной программы. Другими словами, отказ от ситуации, когда «...наш разум контролируется чуждой нам информацией, имплантатом, который заботится только о поддержке своего ...существования» [15, с. 23], с неизбежностью влечёт за собой обретение актором собственной речевой формы в изначально нерасчленённой целостности вербальных и невербальных элементов,

функционирующих под знаком природного автоматизма.

Думается, что в данном контексте *организация* индивидуальной информационной системы может быть уподоблена опыту рефлексии. В противоположность языковому рефлексу, осуществляемая актором рефлексивная деятельность предполагает необходимость движения, обратного тому, которое изначально определяло взаимодействие элементов системы. Имеется в виду процесс декодирования вербального знака, предшествующий кодированию невербальных элементов системы вербальными, а также его последующее кодирование. Для доказательства значимости деятельности (мыследеятельности) по актуализации индивидуальной концептуальной системы со стороны языковой личности осуществим проекцию разрабатываемых К.Г. Юнгом в русле аналитической психологии категорий на область индивидуальной информационной системы. В рамках последней её невербальные элементы будут рассматриваться с позиции коллективного бессознательного, вербальные – с позиции индивидуального сознания.

Выскажем предположение, что:

- 1) декодирование вербального знака задаёт направление движения индивидуального сознания в сторону коллективного бессознательного;
- 2) последующее кодирование невербального опыта, полученного в результате декодирования вербального знака, обуславливает движение коллективного бессознательного в сторону индивидуального сознания.

В обоих случаях налицо установка на согласование противоречий между индивидуальным сознанием, функционирующим под знаком вербального кода (рациональность), и коллективным бессознательным, функционирующим под знаком невербальности (иррациональность).

В целом результативность искомого согласования опознаётся в следующих моментах:

- 1) снятие индивидуальным сознанием негативности бессознательного в коллективном или, иначе, – *субъективизация объективного опыта*;
- 2) обогащение индивидуального опыта опытом коллективным или, что то же – *объективизация субъективного опыта*.

В итоге изначально субъективное сознание обретает коллективный, то есть объективный характер аналогично тому, как изначально бессознательное становится осознанным. Потому, собственно, достигая равновесия обоих элемен-

тов системы, коммуникативная личность умножает свои сущностные силы, обретая не ограниченную объёмом индивидуального сознания мощь, что открывает человеку такие горизонты, о которых он прежде даже не подозревал в силу локального характера своего индивидуального сознания. В данном контексте именно бессознательное и являет собой ту часть сознательного дискурса, дефицит которой обуславливает его парциальность, затрудняя индивидууму выход на интересубъективный уровень.

То обстоятельство, что формирование речевой собственности напрямую связано с осуществляемой коммуникантом деятельностью (мыследеятельностью) по организации информационной системы, что способствует её преобразованию в систему концептуальную, позволяет сделать весьма важное наблюдение. Если информационная система может функционировать безотносительно концептуальной, то концептуальная система рождается исключительно в лоне информационной. Другими словами, процесс смыслообразования оказывается возможным только потому, что ему нечто предшествует как изначально данное. Отмеченная специфика осуществляемой коммуникантом смыслообразующей деятельности исключает необходимость придумывать или изобретать смысл, поскольку он потенциально присутствует в том, что уже есть. В этом – его уникальность, ибо смысл утверждает незыблемость связи прошлого, настоящего и будущего. Что это значит?

Думается, в ситуации, когда языковая личность реализует установку на актуализацию смысла (*созданное*), потенциально присутствующего в имеющейся наличности (*данное*), она обретает некое общее как для себя, так и для всех других основание. Именно последнее, названное В. Виндельбантом нравственным разумом, обеспечивает индивидууму относительную устойчивость в условиях тотальной нестабильности непрестанно меняющегося мира. В итоге, поддерживаемая посредством смыслообразующей деятельности мерная напряжённость данного и созданного, самим фактом такой, совершаемой *здесь и сейчас*, деятельности, делает человека причастным тому, что сохраняет свою значимость *везде и всегда*. В нашем случае речь идёт о мыслеречевой деятельности как акте личностного противостояния безличностному природному устройству.

Полностью отдавая себе отчёт в том, что в силу своей изначальной данности (актуальности) природа сильнее человека, поскольку он –

всего лишь задание, то есть потенциален, мы, вслед за А.Н. Леонтьевым, склонны рассматривать осмысленную жизнь с позиции драмы, «почва и центр которой – борьба личности против своего духовного разрушения» [10, с. 241]. Солидаризируясь с учёным в том, что такая борьба «никогда не прекращается», обозначим системные свойства языковой личности, которая выступает в качестве носителя индивидуальной концептуальной системы:

- устойчивая неравновесность вербального (рационального) и невербального (иррационального), обусловленная поддержанием существующей между ними мерной напряжённости;
- согласование противоречий между внешним и внутренним;
- признание равноценности других и себя;
- творчество;
- многомерность.

Отмеченные свойства, на наш взгляд, позволяют констатировать, что с точки зрения индивидуальной концептуальной системы язык предстаёт в аспекте субстанциальности.

Сущностные основания языка как деятельности

Поменяв ракурс исследования и осмыслив полученные результаты с позиции социо- и психолингвистики, выскажем ряд соображений. В частности, если в опоре на коммуникативную функцию языка индивидуум оперирует значением в его данности, то в опоре на смыслообразование «строительным материалом» речевого высказывания становится смысл как единство *данного*, то есть того, что существует со всей очевидностью, и *созданного*, то есть того неочевидного, которое удаётся обнаружить в имеющейся наличности. При этом в отличие от буквального значения, которое может функционировать безотносительно смысла, смысл всегда зиждется на буквальном значении, в недрах которого он сокрыт. Если первое, будучи объективной данностью, с неизбежностью субъективизируется каждым индивидуумом в силу эмотивной валентности слова [17], что оправдывает мысль «у каждого – своя правда», то неотъемлемым качеством второго оказывается интересубъективность. Связывая собой то, что было, и то, что есть, смысл, таким образом, выступает коррелятом истины [18].

Напомним, размышляя о специфике сократовского опыта, В. Виндельбанд пишет о том,

что используемый античным философом метод сравнительной индукции был призван увести свободных граждан от неточности обыденного словоупотребления. Двигаясь от частного к общему в поисках одинаково для всех приемлемого основания, Сократ тем самым подводил своих собеседников к осознанию всеобщей субъективности слова. Не случайно поэтому, стимулируя в своем *vis-à-vis* процесс смыслообразования, Сократ уподоблял свой опыт майевтике – искусству, которым владели повитухи. Только в отличие от физического рождения (как сугубо биологического акта) Сократ инициировал духовное рождение человека, что обеспечивало ему статус уже не биологического, но социального существа. Тот факт, что используемый Сократом метод сравнительной индукции выступает аналогом метода анализа словарных дефиниций, который обеспечивает проникновение во внутреннюю форму языка, восстанавливая изначально неосознаваемую индивидом связь одного слова со многими другими, послужившими основой для его образования, делает возможным следующий вывод.

Выход на внутреннюю форму языка коррелирует с деятельностью по организации индивидуальной информационной системы, обуславливающей её преобразование в систему концептуальную. Думается, что именно таким образом понимаемая деятельность (мыследеятельность) квалифицируется В. фон Гумбольдтом с позиции *Energeia* в противоположность *Ergon* – продукту деятельности. Будучи принадлежностью индивидуальной информационной системы, этот продукт формирует особый человеческий тип – тип потребителя. В. Хлебников называл таких людей приобретателями. Напротив, осуществляемое в опоре на концептуальную систему смыслообразование инициирует рождение творца или, по Хлебникову, изобретателя.

Именно с этой точки зрения запечатлённая в Новом Завете мысль «В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» (Ин, 1:1) заслуживает полного доверия. Принимая во внимание синонимичность лексем Слово и Логос, нельзя не признать: ничто другое, как смысл, воплощающий собой мерную напряжённость данного и созданного, вербального (рационального) и невербального (иррационального), внешнего и внутреннего, дискретного и континуального, вносит упорядоченность в жизнедеятельность человека и природы, будучи антипо-

дом бессмыслицы. Причём, то обстоятельство, что в рамках риторического канона Логос «не может иметь собственной (самодостаточной) цели, индуцируя её из подсистемы «Этоса» [12, с. 204], служит веским аргументом для возможной корреляции библейского Слова (Логоса), которое есть Бог, и искомого единства (в скобках напомним, что последнее В. Виндельбанд связывал с нравственным разумом). Потому далеко не случайным, но, напротив, закономерным видится послание, которое запечатлено на иконе Валаамской Божьей Матери рукой мастера, её сотворившего: *«Мера и подобие»*.

В данном контексте наличие у любого природного существа такого «устройства», как индивидуальная информационная система, может рассматриваться аналогом Бога-Отца. Более того, обозначенная система и являет собой знак Его любви ко всем своим созданиям с той лишь оговоркой, что в силу своей природы биологические организмы, равно как и индивидуум, становление которого проходит под знаком индивидуальной информационной системы, не в состоянии постигнуть Его виртуальное присутствие. В свою очередь, Бог-Сын может быть уподоблен языковой личности, которая, осознав свою принадлежность обоим мирам, – природному и надприродному, делает безоговорочный выбор в пользу второго. Символом такого разрыва, или иначе, – распятия между временным и вечным, смертным и бессмертным, выступает Крест. Тогда Дух – это незримая связь прошлого, настоящего и будущего, которая вносит некий порядок в течение времени в случае, если эта связь осознаётся, то есть когда происходит Его – Духа – воплощение. Другими словами, обретая смысл в том, что уже есть, мы живём с оглядкой на прошлое, закладывая фундамент будущей жизни. В терминологии В.И. Вернадского аналогом Духа выступает Ноосфера, в терминологии М.К. Мамардашвили – мыслительный поток, что, по сути, отвечает ситуации, когда не мы рожаем мысль, но мысль рождает нас.

Примечательно, что если на уровне информационной системы индивидуум выступает по отношению к природе в качестве механически отторгнутой от целого части постольку, поскольку в своём биологическом измерении человечество с неизбежностью нарушает определяемый мерной напряжённостью природный порядок, то концептуальная система вновь утверждает их незыблемую целостность. Подобный опыт оказывается возможным в ситуации, когда не-

изменный как для природы, так и для человека закон мерной напряжённости опознаётся речевым субъектом не только извне, но и изнутри. Другими словами, если для индивидуальной информационной системы отмеченный закон – данность, за которой стоит природная, то есть *безличностная программа*, то для индивидуальной концептуальной системы – созданное, за которым стоит *личностный выбор* речевого субъекта. В итоге то, что изначально определялось на уровне внешнего закона, преобразуется во внутреннюю интенцию свободного в своём выборе актора. Результативность подобного выбора опознаётся через обретение языковой личностью всеобщей субъективности или иначе – интересубъективности.

Думается, что в обозначенном ракурсе ветхозаветная история, повествующая о грехопадении Адама и Евы, которые отведали запретный плод с дерева познания добра и зла – дошедшая до нас из глубины веков истина. Её суть, на наш взгляд, заключается в том, что знания, усваиваемые вне осознания отмеченного мерной напряжённостью единства внешнего и внутреннего, дискретного и континуального, вербального и невербального, природного и надприродного, в том числе добра и зла и т. д. как имманентного мирозданию закона, обрекают человека на гибель. Знаком последней становится подмена целого – частью, вследствие чего внешнее остаётся без внутреннего, дискретное – без континуального, вербальное – без невербального, природное – без надприродного. При этом слова Блаженного Августина, согласно которому каждый, будучи рождён от «...осуждённого отростка сначала по необходимости бывает по Адаму злым и плотским, а потом, когда, возродившись, возрастает во Христе, становится добрым и духовным... хотя не всякий злой человек будет добрым, никто, однако же, не будет добрым, кто не был злым...» [1, с. 156] служат подтверждением верности следующей мысли.

Биологическое измерение человека не всегда эволюционирует до его социального (духовного) измерения, поскольку в отличие от концептуальной системы, чья актуализация невозможна вне системы информационной, в лоне которой и таится искомая социальность, информационная система может функционировать безотносительно концептуальной. Соответственно, несмотря на то, что многие представители социума живут, даже не подозревая о том, что их подлинное человеческое Я остаётся

лишь потенциально возможным, будучи во власти индивидуальной информационной системы, никто из тех, кто сумел отказаться от террора безличностной программы, не мог бы состояться в качестве мыслеречевого субъекта вне этой системы. Именно последняя выступает в качестве «стартовой площадки» для воплощения Духа, что с неизбежностью приводит к одухотворению плоти. Пожалуй, рассматриваемое под таким, сугубо лингвистическим, углом зрения сакральное знание возвращает лексеме религия её исконный смысл (от лат. re-ligio – восстановление). Речь идёт о непрестанной духовной работе, обеспечивающей поддержание имманентной индивидуальной информационной системе релевантной несовместимости вербальных и невербальных элементов, но на качественно ином, концептуальном, уровне.

Место и роль эмотивности в процессе смыслообразования

В качестве иллюстрации преобразования индивидуальной информационной системы, оперирующей значениями, в систему концептуальную, иницирующую смыслообразование, обратимся к визуальной поэзии Аркадия Драгомощенко (1946—2012). Имеется в виду разновидность креолизованного дискурса, который оказывается синонимичным таким понятиям, как поликодовый текст, изовербальный комплекс, изоверб, семиотически осложнённый текст, видеовербальный текст. Фокусирование внимания на обозначенном дискурсе обусловлено тем обстоятельством, что интересующий нас образец косвенно помогает понять, каким образом взаимодействуют между собой невербальные и вербальные элементы информационной системы. Помимо этого, признавая верность положения, согласно которому «с исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой; кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стёрта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние» [8, с. 130], именно креолизованный текст современного русского поэта – профессионального переводчика, чьё творчество получило научное признание – видится нам с позиции искомого исходного мотивированного состояния. Подтверждение тому – слова Марджори Перлофф (Marjorie Perloff): «Для Драгомощенко язык не является уже всегда

усвоенным и присвоенным, предопределённым и предпосланным... Напротив, Драгомощенко настаивает на том, что «язык не может быть присвоен, поскольку он несвершаем» и, вызывая в памяти слова Рембо «Je suis un autre», добавляет афористическое: «поэзия – это всегда иное» [13].

Принимая за точку отсчёта признание поэта, предлагаем несколько вариантов прочтения стихотворения «Нумерология 3». Однако для начала согласимся с тем, что представленный материал – это данность, в которой каждый фрагмент обособлен один от другого, что подчёркнуто ещё и на визуальном уровне: вертикальные и горизонтальные линии ставят непроходимые

границы между знаками языка и цифрой. Причём, первичность невербальных элементов, которые и фактически, и логически предшествуют образованию вербальных, здесь столь же неявно просматривается, как это происходит и в условиях обыденного коммуникативного акта, осуществляемого, как правило, под знаком террора кода. Не случайно поэтому, работая с креолизированным дискурсом, представленным на уровне письменной художественной речи, мы в состоянии опознать лишь то, что очевидно для всех: наличие горизонтальных и вертикальных линий, образующих ячейки, которые в одном случае заполнены словами, в другом, – цифрой, в-третьем, – отмечены пустотой (см. рис. 1)

птицы				всегда	
		продажа		кто	
		и			об этом
	здесь		стекло	3	
склон		как	в	над	да
		но это	не	где	

Рис. 1. А. Драгомощенко. «Нумерология 3»

Если ретроспективно взглянуть на появление белых текстов, пятен, пробелов, пустот в художественной коммуникации, нетрудно заметить их явную экспрессивно-эмоционально-оценочную семантику. Действительно, освоение предлагаемого в тексте А. Драгомощенко единства вербальной и визуальной информации сопровождается негативной эмоцией, вызванной когнитивным диссонансом, который обуславливается тем, что ситуация непонимания доминирует здесь над ситуацией понимания. При этом собственно визуальность, функционирующая обособленно от знаков языка, инициирует сбой автоматизма восприятия, что создаёт ощущение западни, из которой не выбраться. Безвыходность положения с неизбежностью провоцирует состояние дискомфорта. Последнее усугубляется ещё и тем, что, несмотря на лакуны, уподобляемый индивидуальной информационной системе креолизированный дискурс видится самодостаточным, являя собой готовый продукт (Ergon) некогда осуществлённой А. Драгомощенко деятельности (Energeia). Другими словами, будучи готовой формой, художественная речь со-

временного поэта-концептуалиста исключает, на первый взгляд, какое бы то ни было взаимодействие с читателем, выступающим в роли актора.

На фоне потенциативов *здесь, и, как, но это, стекло, в, не, всегда, кто, над, где, об этом*, только лексемы *птицы, склон, продажа, три* (тройка) видятся отмеченными оценочным знаком. Однако, тот факт, что наличие положительной эмотивной коннотации лексемы *птица*, равно как и отрицательный характер эмотивных значений лексем *продажа, три* (тройка), *склон* не способны устранить состояние дискомфорта, даёт основание утверждать правомерность следующей мысли. В контексте индивидуальной информационной системы актуальные эмотивы скорее способствуют познавательной активности вступающего во взаимодействие с креолизированным дискурсом актора, нежели смыслообразованию. Уход от однозначной оценки функционирующих на уровне значений актуальных эмотивов требует декодирования вербального знака с тем, чтобы восстановить многозначность слова, опознаваемую посредством эмотивной валентности.

Именно таким образом мы попытаемся трансформировать представленную посредством креолизованного дискурса индивидуальную информационную систему в систему концептуальную, восполнив данное – созданным, коммуникацию – смыслообразованием, дискретное – континуальным. Осуществляя мерную напряжённость между одним и другим, мы сумеем выйти из-под террора наличного «устройства», которое угнетает нас своей парциальностью, бессмысленностью. Делая ставку на язык как самостоятельно осуществляемую деятельность (мыследеятельность), мы, по сути, актуализируем противостоящую языковому рефлексу рефлексия и в полном соответствии с этимологией интересующей нас лексемы (от лат. *reflexio* – взгляд назад) ищем ответ на вопрос, что представляет собой визуальная конструкция как таковая. Другими словами, признавая первичность невербальных (в случае с изовербом Драгомощенко – визуальных) элементов системы, мы оказываемся поставленными перед необходимостью их кодирования.

Первый шаг на пути к смыслу позволяет предположить, что визуальная основа стихотворения являет собой некую таблицу, сумма горизонтальных и вертикальных линий которой (3+3) коррелирует с числом 3, находящимся в одной из ячеек. Поскольку отмеченное совпадение ставит *тройку* в положение сильной позиции текста (И. Арнольд), мы более пристально «вглядываемся» в интересующую нас лексему, обнаруживая как её положительную, так и отрицательную стороны. С этой точки зрения принципиальными для нас оказываются такие её интерпретации, как:

- посредственная отметка;
- Троица (Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух);
- рождение, жизнь, смерть;
- прошлое, настоящее, будущее;
- вера, надежда, любовь;
- триединство чувства, ума и воли и т. п.

Определившись с возможными толкованиями доминирующего сигнала текста, приступаем к декодированию вписанных в ячейки языковых знаков, уходя от их парциальности. В первой ячейке первого столбца – лексема *птицы*, в пятой – лексема *склон*. Есть ли основание связывать между собой эти значения? Вероятно, есть. Птица ассоциируется с полётом, парением, с верхом, тогда как склон – со спуском, падением, с низом. Также птица – символ свободы. Обо-

значенные ассоциации приводят к необходимости корректировки визуального опыта, вследствие чего на смену таблице приходит клетка. То обстоятельство, что клетка не является препятствием на пути к свободе, опознаётся в следующих знаках: ячейка, в которой расположена лексема *птицы*, не имеет верхней границы, т.е. из клетки можно вылететь. При этом отсутствие границы слева не представляется важным. Как правило, левая сторона ассоциируется с движением назад, с возвращением к тому, что уже пройдено. Это своего рода «бег по кругу», на что, собственно, и указывает месторасположение лексемы *склон*: однажды упав, надо стремиться карабкаться вверх, поскольку, скатываясь всё ниже и ниже, мы, вопреки непрестанному движению, тем не менее, лишены положительной динамики, поскольку неизменным остаётся направление движения.

Вписанную между первой и пятой ячейками первого столбца лексему *здесь*, которая размещена в четвёртой ячейке столбца второго, мы связываем с выбором между верхом и низом, между светом и тьмой, между свободой и пленом. Имеется в виду такой выбор, который требует от нас принятия решения «здесь и сейчас». Расположенная в третьем столбце во второй ячейке лексема *продажа* заставляет вспомнить слова Бродского, который писал: «жизнь есть товар на вынос – торса, пениса, лба...». Негативная эмоция, возникающая при мысли о базарной сделке на фоне хлебниковских строк «Сегодня снова я пойду /Туда, на жизнь, на торг, на рынок /И войска песен поведу /с весёлым рынком в поединок», – делает обоснованной мысль о том, что сегодня купить можно всё, и как подчас удачна бывает сделка! Но это – стекло, то есть одна лишь видимость приобретения. Разве такая свобода – не безусловная иллюзия? Но тогда человек, так глупо заблуждающийся на свой счёт, становится наиболее удобным для манипуляций – вот оно, веселье рынка!

Подлинная свобода – на это указывает помещённый в пятую ячейку четвёртого столбца предлог *в* – внутри, а не во вне нас. Нам не всегда удаётся это безоговорочно принять. Однако тот, кто, опираясь на волю, сумеет удержать в равновесии ум и чувство, будет способным подниматься над обстоятельствами, не предавая любви, не отрекаясь от веры и сохраняя надежду, где бы он ни оказался...

Несмотря на то, что в поисках смысла мы «проработали» практически каждое из значе-

ний, входящих в пространство креолизованного дискурса, вряд ли его смысловой потенциал может быть исчерпан. Думается, *об этом* «говорит» возможная корреляция птицы и человека. Соответственно, если даже лишённая свободы птица и в неволе продолжает оставаться птицей, то есть петь, то для человека сохранять своё человеческое достоинство в самых нечеловеческих условиях (например, в тюрьме/СИЗО¹) – вполне естественно. Другими словами, человек, если он действительно человек, а не двуногое говорящее животное, не имеет права на бесчеловечье ни при каких обстоятельствах. Да?!!

Проиллюстрировав, каким образом формируется концептуальная система языковой личности, целенаправленно закладывающей фундамент своей речевой собственности в опоре на невербальные (пересечение вертикальных и горизонтальных линий) и вербальные элементы, остановимся на иной интерпретации креолизованного дискурса. Специально оговорим, что в данном примере опыт перевыражения визуального в вербальное и вербального в невербальное предстаёт в свёрнутом виде:

Мы можем в небо воспарить, как птица,
а можем кануть в бездну – камнем вниз!
Здесь истины не изрекают, лица –
продажны, жизнь – причуда, фейк, каприз.
И как из тупика найти дорогу,
Когда сам путь – иллюзия, обман...
Лбом нам не прошибить стекла! В итоге
тот победит, кто знает, что лишь сам
себе поможет. О, мой бедный странник,
терпи, молись, работай, но не спи!
Всё лишь в тебе, ты – схимник, не изгнанник,
От мира суетного вглубь себя иди!

Ещё один вариант мыслеречевой деятельности, актуализируемой в процессе художественной коммуникации, предлагает Т.П. Рыльская [14]. По мнению исследователя, используемое в таблице число 3 – знак Троицы – прямо соотносится с лексемой *стекло* как тайной, таинством, совершением сакрального акта, что также отвечает характеристике лексики *число* в чешском языке (согласно М.М. Маковскому, ей соответствуют понятия *колдовство*, *волшебство* [11, с. 389]). Помимо этого, число 3 связывают с трой-

кой, божественным Разумом, духом, порядком, гармонией, совершенством и небом [11, с. 390]. Упоминание о синонимичности понятий *число* и *гармония* позволяет поставить знак равенства между цифрой 3 и музыкальной сферой, что в ситуации с текстом Драгомощенко говорит о гармонии поэтического стиха в противоположность хаосу, который царит за пределами творчества поэта. При этом вписанная в поэтический текст цифра 3 служит, по мнению Т.П. Рыльской, указанием на необходимость «помнить три дела: молиться, терпеть и работать» [14]. Оппозицию между суетой и покоем, которые сопряжены соответственно с торгом и терпеливой молитвенной работой, задают слова *всегда*, *об этом* и *здесь*. Причём, выписанное в начале поэтического текста слово *склон* может рассматриваться аналогом тризны, завершающей путь каждого смертного, душа которого воспаряет в небо, подобно птице. «В целом, – делает вывод Т.П. Рыльская, – поэтическая графика Драгомощенко, представляющая собой очертания таблицы, столбцы которой сгруппированы по 6 (3+3), может рассматриваться как двойной тернер. Последний связывается авторами словаря символов с актом самопознания» [14].

Наконец, отдавая себе отчёт в том, что выступающая в качестве «белого пятна» пустота может быть своего рода провокацией, так называемым жестом поэта, приглашающим актора к со-творчеству, предлагаем отличный от первоисточника вариант:

птицы свободны и потому
даже в клетке *всегда* о счастье поют,
им купля-продажа неведомы...
кто или, точнее, много ль среди нас найдут
слова, которыми людям бескрылым и слабым
сказать о главном, *об этом*:
жизнь – *здесь* и сейчас,
остальное – иллюзия или *стекло*,
пусть хоть *трижды* оно
пронизано светом...
склон неизбежен,
как остаться свободным в застенке и,
над собою поднявшись, сказать миру *да?*
сражаться отчаянно и непрестанно,
но это не *где*,
ибо если свобода, то она и везде, и всегда!

¹ Лексема тюрьма/СИЗО – очередная коррекция визуального опыта, вербализация которого начиналась с лексики таблица, потом – клетка, теперь – тюрьма.

Завершая интерпретацию креолизованного дискурса, нельзя не признать: процесс создания концептуальной системы как осуществление мыслеречевой деятельности – это выход за пределы языка-кода, в котором контекст изначально уничтожается. Напротив, смыслообразование обеспечивает актору возможность найти в языке «... нечто такое, что дарит ... неповторимое ощущение открытия несбыточности и несовершенного в самых обыденных вещах и явлениях» [13]. Принципиальным в данном контексте оказывается следующий факт. Опыт смыслообразования осуществляется в опоре на эмотивную валентность, посредством которой актуальные эмотивы и потенциативы могут подвергаться переосмыслению, как, например, это происходит с лексемами *птицы*, *склон*, *числом 3* и т. д.

При этом не что иное как потенциативы уводят индивидуума, с одной стороны, от автоматизма восприятия, с другой, – от спонтанности языка, что ставит эмотивность в положение культурной доминанты, реализуемой в пространстве постсимволической коммуникации. Знаменательно, что именно с последней связывал будущее глобализирующегося мира Дж. Ланье – автор термина «виртуальная реальность». Всё это обеспечивает речевому субъекту возможность «не пассивно откликаться на реальность, которая навязывает себя, а активно создавать и воссоздавать мир, в котором он действует» [9, с. 262].

Оптимальные условия для актуализации концептуальной системы как коррелята смыслообразования

Учитывая изоморфизм человека и текста культуры [5], опознаваемый на уровне их двойственной природы, нельзя не признать, что оптимальные условия для смыслообразующей деятельности (мыследеятельности) актора складываются в пространстве художественной коммуникации. Представленная точка зрения тем более правомерна, что преодоление собственной природы, то есть своего естества, делает человека существом искусственным. Потому ничто другое, как искусство обеспечивает возможность его зановорождения (М.К. Мамардашвили), выступая в качестве своего рода «тренажёра» для метафизических упражнений. Отдавая себе отчёт в том, что искусство бывает разным, подчеркнём важность одного момента.

В отличие от подлинного искусства, которое служит языковой личности в качестве некоего ценностного ориентира, воплотившего в себе единство материального (природного) и идеального (надприродного), симулякр, возникший в результате ловкой манипуляции с наличностью, если и способен потрясти воображение, то только игрой ума. Глубина и масштабность затрагиваемых вопросов, которые обретают статус вечных как на уровне искусства, так и на уровне жизни, обнаруживают себя исключительно в процессе смыслообразования как неделимой целостности ума (рациональное) и зауми (иррациональное).

Думается, именно то обстоятельство, что преодолевающая границы природы языковая личность с неизбежностью обнаруживает отмеченный всеобщей субъективностью нравственный разум, и обусловило возможность поставить знак равенства между лексемами Слово (Логос), Бог и Любовь. В данном контексте всякое подлинное произведение искусства являет собой образец подлинной, лишённой симулякров, жизнедеятельности сознания.

Завершая построение системы аргументации в отношении оптимальных условий для становления индивидуальной концептуальной системы или иначе – смыслообразования, обратимся к словам М.М. Бахтина, заимствованным из его работы «Искусство и ответственность». «Целое называется механическим, – пишет отечественный мыслитель, – если отдельные элементы его соединены только в пространстве и времени внешней связью, а не проникнуты внутренним единством смысла. Части такого целого хотя и лежат рядом и соприкасаются друг с другом, но в себе они чужды друг другу.

Три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их своему единству. Но связь эта может стать механической, внешней. Увы, чаще всего это так и бывает. Художник и человек наивно, чаще всего механически, соединены в одной личности: в творчестве человек уходит на время из «житейского волнения» как в другой мир «вдохновения, звуков сладких и молитв». Что же в результате? Искусство слишком дерзко-самоуверенно..., ведь ему же нечего отвечать за жизнь, которая, конечно, за таким искусством не угонится. Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности... Поэт дол-

жен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьёзность его жизненных вопросов» [2, с. 7]. Вне этой взаимной ответственности, за которой стоит готовность осуществить речевой поступок, признав свою вину за всё содеянное и не содеянное в равной степени перед собой и перед другими, человечество обречено на глобальный монолог как признак тотального вырождения.

Заключение

Подводя итоги работы, проделанной в ходе предпринятого нами исследования языка как системы, остановимся на наиболее значимых результатах:

1. Овладение коммуникативной функцией языка, реализуемой на уровне информационной системы как самоорганизующегося природного устройства, не обеспечивает коммуниканту статус речевого субъекта.
2. Фундамент речевой собственности языковой личности закладывается исключительно в процессе становления индивидуальной концептуальной системы.
3. В силу того, что способность говорить не влечёт за собой автоматический переход индивидуума за границы мира природы в пространство культуры как неотъемлемой составляющей мира социального, значение оказывается изоморфным биологическому измерению актора. Напротив, смысл, актуализируемый в процессе деятельности (мыследеятельности) по организации (преобразованию) данного в созданное, изо-

морфен его – актора – социальному измерению.

4. Основанием языка как продукта деятельности выступает индивидуальная информационная система (*данное*). В свою очередь, основанием языка как деятельности выступает концептуальная система (*созданное*).

5. Эмотивность являет собой базовый принцип как языка, реализуемого на уровне информационной системы, так и речи, формирование которой осуществляется в контексте концептуальной системы. При этом если актуальные эмотивы демонстрируют свою принадлежность первой системе, то потенциативы – второй. Процесс трансформации информационной системы в систему концептуальную проходит под знаком эмотивной валентности.

6. Оптимальные условия для смыслообразующей деятельности сознания складываются в пространстве художественной коммуникации. Помимо креолизованного дискурса здесь уместно назвать визуальные и аудиальные тексты культуры, в том числе тексты, основанные на взаимодействии двух или более видов искусства (балет, опера, кинематограф, анимация).

7. Осознание двойственного характера языка как актуального (коммуникация) и, одновременно, потенциального (смыслообразование) феномена с необходимостью требует перестройки всего отечественного образования, в первую очередь, коммуникативной лингвистики. Игнорируя выявленные между смыслом и значением отличия, профессиональные коммуникологи во многом повторяют ошибку софистов, способствуя девальвации языка, что в корне противоречит действительному положению дел, когда «В начале было Слово ...».

Список литературы

1. Августин А. О граде Божием / А. Августин. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с.
2. Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Работы 1920-х годов / Бахтин М.М. Киев: Next, 1994. С. 7–8.
3. Виндельбанд В. О Сократе // Лики культуры: Альманах / В.М. Виндельбанд; Юрист, 1995. С. 121–142.
4. Волкова П.С. Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. № 16 (4). С. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>
5. Волкова П.С. Человек и текст: к вопросу об изоморфизме // Научный потенциал ВУЗа – производству и образованию: мат. I Международной научно-практической конференции 7, 8 декабря 2018 г. Армавир: АМХИ, 2019. С. 258–264.
6. Гиренок Ф.И. По ту сторону языка и инстинкта // Русская философия XXI века. Максимум / Ф.И. Гиренок. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 5–78.
7. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С. 17–33.
8. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А.Е. Кибрик. М.: МГУ, 1992. 336 с.
9. Кудряшова Т.Б. Онтология языков познания / Т.Б. Кудряшова. Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново», 2005. 314 с.
10. Леонтьев А.Н. Из дневниковых записей // Избранные психологические произведения: В 2-х т. / Леонтьев А.Н. М.: Педагогика, 1983. Т. II. С. 239–246.

11. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 415 с.
12. Маров В.Н. Культурно-исторический памятник или настольная книга? // Аристотель. Риторика. Поэтика / Маров В.Н. М.: Лабиринт, 2000. С. 181–189.
13. Мемория. Аркадий Драгомощенко — ПОЛИТ.РУ. [Электронный ресурс]. – URL: polit.ru/Новости/2016/02/03/dragomoschenko (дата доступа 18.04.2020)
14. Рыльская Т.П. Мифологема смерти в пространстве визуальной культуры: Дис. канд. культурологии /Т.П. Рыльская. Краснодар: КГУКИ, 2010. 170 с.
15. Соммэр Д.С. Космическая валюта – наивысшее богатство / Д.С. Соммэр. М.: «Кодекс», 2014. 200 с.
16. Хомский Н. О природе и языке / Н. Хомский. М.: УРСС, 2010. 288 с.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
18. Шаховский В.И. Смысл как социо-психолингвистический феномен: методологический подход / В.И. Шаховский, П.С. Волкова //Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал: Тверская государственная сельскохозяйственная академия. 2019. № 58. С. 1–26. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата доступа 15.04.2020)
19. Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Избранные работы / Щедровицкий Г.П. М.: Шк.Полит.Культ., 1995. С. 57–87.
20. Chomsky N. Language and the cognitive science revolution(s). Text of lecture given at the Carleton University April 8. 2011/ N. Chomsky. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chomsky.info/talrs/20110408.htm> (дата доступа 11.05.2020)

Сведения об авторах:

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, главный научный сотрудник ФГБОУ ВО ВГСПУ (Россия, Волгоград). Сфера научных и профессиональных интересов: коммуникация эмоций, в том числе межкультурная; эмотивная лингвоэкология; переводоведение. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Волкова Полина Станиславовна – кандидат филологических наук, доктор философских наук, доктор искусствоведения, профессор 6 кафедры русского языка ФГКБОУ ВО КВВУ (Россия, Краснодар). Сфера научных интересов: язык как деятельность, филологическая герменевтика, интерпретация и реинтерпретация текстов культуры. E-mail: polina7-7@yandex.ru

LANGUAGE AS A SYSTEM: MEANING AND SENSE

V.I. Shakhovsky

Volgograd State Social and Pedagogical University (VGSPU),
27, prospect imeni V.I. Lenina, Volgograd 400066, Russia

P.S. Volkova

Krasnodar Higher Military School. General of the Army S.M. Shtemenko (KVVU),
4, st. Krasin, Krasnodar 350063, Russia

Abstract: *The article examines the dual nature of language as a system: actual (individual information system) and potential (individual conceptual system). If from the standpoint of the information system the act of speaking performed by the individual is a linguistic reflex, then from the standpoint of the conceptual system, the thought-speech activity actualized by the linguistic personality appears as an experience of reflection.*

Using the example of creolized discourse, it is shown how operating with language at the level of an information system puts an individual in the position of a passive consumer of the existing meanings (given), which excludes the possibility of considering him from the position of a speech subject. The latter turns out to be achievable in the case when the conceptual system is actualized as a correlate of thought-

speech activity, the effectiveness of which is recognized at the level of meaning (created). It is substantiated that if a language as an information system can function without regard to the conceptual system, then the actualization of the language as a conceptual system is impossible without an information system, in the bosom of which it is hidden.

It is argued that, in contrast to meaning, which, being objective, is subject to arbitrary subjectivization in the process of use due to the emotive valence of a word, meaning appears as an intersubjective phenomenon. Moreover, if the actual emotives are directly related to the language as an information system, then the potentials demonstrate their belonging to the language as a conceptual system.

The article is addressed to philologists-communicologists, philosophers and culturologists who are interested in the issues of language as an activity, emotive linguistics, meaning formation.

Key Words: *dual nature of language, information and conceptual systems, meaning, meaning, emotiveness.*

References

1. Avgustin, A. O grade Bozhiem [About the city of God] / A. Avgustin. Mn.: Kharvest, Moscow: AST, 2000. 1296 s.
2. Bakhtin, M.M. Iskusstvo i otvetstvennost' [Art and responsibility] // Raboty 1920-kh godov / Bakhtin M.M. Kiyev: Next, 1994. S. 7–8.
3. Vindel'band, V. O Sokrate [About Socrates] // Liki kul'tury: Al'manakh / Vindel'band V. Moscow: Yurist, 1995. S. 121–142.
4. Volkova, P.S. Iazyk i rech' v prostranstve kul'tury: interpretatsiya reinterpretatsiya [Language and speech in the space of culture: interpretation and reinterpretation] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 16 (4). S. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>
5. Volkova, P.S. Chelovek i tekst: k voprosu ob izomorfizme [Man and text: on the issue of isomorphism] // Nauchny potentsial VUZa – proizvodstvu i obrazovaniiu: mat. I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 7–8 dekabria 2018 g. Armavir: AMKHI, 2019. S. 258–264.
6. Girenok, F.I. Po tu storonu iazyka i instinkta // Russkaia filosofia XXI veka. Maksimy [On the other side of language and instinct] / Girenok F.I. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014. S. 5–78.
7. Dem'yanov, V.Z. Kognitivnaia lingvistika kak raznovidnost' interpretiruiushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach] // Voprosy iazykoznanii, 1994. № 4. S. 17–33.
8. Kibrik, A.E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam iazykoznanii [Essays on General and Applied Questions of Linguistics] / A.E. Kibrik. Moscow: MGU, 1992. 336 s.
9. Kudriashova, T.B. Ontologiya iazykov poznaniia [Ontology of languages of knowledge] / T.B. Kudriashova. Ivanovo: OAO Izdvo «Ivanovo», 2005. 314 s.
10. Leont'yev, A.N. Iz dnevnikovyykh zapisei [From diary entries] // Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniia: V 2-kht / Leont'yev A.N. Moscow: Pedagogika, 1983. T. II. S. 239–246.
11. Makovskii, M.M. Sravnitel'ny slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeyskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images] / M.M. Makovskii. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. 415 s.
12. Marov, V.N. Kul'turno-istoricheskii pamyatnik ili nastol'naiia kniga? [Cultural and historical monument or handbook?] // Aristotel' Ritorika. Poetika / Marov V.N. Moscow: Labirint, 2000. S. 181–189.
13. Memoriia. Arkadii Dragomoshchenko – POLIT.RU. [Memorial. Arkady Dragomoshchenko – POLIT.RU]. – polit.ru/Novosti/2016/02/03/dragomoschenko [Accessed 2020 April 4]
14. Ryl'skaia, T.P. Mifologema smerti v prostranstve vizual'noi kul'tury: Dis. kand. kul'turologii / T.P. Ryl'skaia. Krasnodar: KGUKI, 2010. 170 s.
15. Sommer, D.S. Kosmicheskaiia valiuta – naivyshee bogatstvo / D.S. Sommer. Moscow: «Kodeks», 2014. 200 s.
16. Khomskii, N. O prirode i iazyke [On nature and language] / N. Khomskii. Moscow: URSS, 2010. 288 s.
17. Shakhovskii, V.I. Lingvisticheskaiia teoriia emotsii [Linguistic theory of emotions] / V.I. Shakhovskii. Moscow: Gnozis, 2008. 416 s.
18. Shakhovskii, V.I. Smysl kak sotsio-psikholingvisticheskiy fenomen: metodologicheskii podkhod [Sense as a socio-psycholinguistic phenomenon: methodological approach] / V.I. Shakhovskii, P.S. Volkova // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal: Tverskaia gosudarstvennaia sel'skokhoziaystvennaia akademiia. 2019. № 58. S. 1–26. – www.tverlingua.ru [Accessed 2020 April 15]
19. Shchedrovitskii, G.P. Sistemnoe dvizhenie i perspektivy razvitiia sistemno-strukturnoi metodologii [System movement and prospects for the development of a system-structural methodology] // Izbrannye raboty / Shchedrovitskii G.P. Moscow: Shk. Polit.Kul't., 1995. S. 57–87.
20. Chomsky, N. Language and the cognitive science revolution(s). Text of lecture given at the Carleton University April 8. 2011 / N. Chomsky. – www.chomsky.info/talrs/20110408.htm [Accessed 2020 May 15]

About the authors:

Shakhovsky Viktor I. – Doctor of Philology, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chief Researcher of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education VGSPU (Russia, Volgograd). Sphere of scientific and professional interests: communication of emotions, including intercultural; emotive linguoecology; translation studies. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Volkova Polina St. – Candidate of philological sciences, Doctor of philosophical sciences, Doctor of art history, professor of the 6th department of the Russian language of the Federal State Educational Institution of Higher Education of the Higher Military School of Higher Education (Russia, Krasnodar). Research interests: language as an activity, philological hermeneutics, interpretation and reinterpretation of cultural texts. E-mail: polina7-7@yandex.ru

★ ★ ★